Таня Гроттер

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Таня Гроттер и магический контрабас

Таня Гроттер и Исчезающий Этаж

Таня Гроттер и Золотая Пиявка

Таня Гроттер и трон Древнира

Таня Гроттер и посох волхвов

Таня Гроттер и молот Перуна

Таня Гроттер и пенсне Ноя

Таня Гроттер и ботинки кентавра

Таня Гроттер и колодец Посейдона

Таня Гроттер и локон Афродиты

Таня Гроттер и перстень с жемчужиной

Таня Гроттер и проклятие некромага

Таня Гроттер и болтливый сфинкс

Таня Гроттер и птица титанов

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

Таня Гроттер

и перстень с жемчужиной

Москва 2021

УДК 821.161.1-312.9-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Серийное оформление *Дмитрия Сазонова*

Иллюстрация на переплете *Евы Елфимовой*

Емец, Дмитрий Александрович.
Е60 Таня Гроттер и перстень с жемчужиной : [повесть] / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2021. — 384 с. — (Таня Гроттер. Легендарное детское фэнтези).

ISBN 978-5-699-84555-2

После окончания Тибидохса прошел год. Время всех разбросало, все перемешало. Таня и Ягун остались в магспирантуре. Семь-Пень-Дыр, Попугаева и Зализина перебрались в мир к лопухоидам. Гробыня Склепова с Гуней обосновались на Лысой Горе. Ванька забрался в лесную глушь и живет вдали от мира, общаясь лишь с лешаками. Правда, иногда купидончики приносят Тане от него письма... У неугомонного Ягуна возникает идея устроить вечер встречи выпускников и собрать весь курс. И вот приглашения разосланы, гости собрались. Казалось бы, все как прежде, но не совсем... Бессмертник Кощеев хочет перевести школу с острова Буяна в Заполярье, где вечная мерзлота. Для этого он присылает в Тибидохс ревизора Зербагана, которого связывает с островом некая тайна...

УДК 821.161.1-312.9-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Емец Д., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-699-84555-2

Habent sua fata libelli pro capite lectoris[1].

[1] Книги имеют свою судьбу в зависимости от головы читателей *(лат.)*.

Глава 1

ЛЫСЫЙ ЧИНОВНИК С ЛЫСОЙ ГОРЫ

— Но, — добавлял он, — когда я вижу, как тщательно уложены его волосы и как он почесывает голову одним пальцем, мне всегда кажется, что этот человек не может замышлять такое преступление, как ниспровержение римского государственного строя.

Цицерон о Цезаре[1]

— Коты и клизмы! — сказал Тарарах.

Медузия взглянула на него вежливо и холодно:

— Прости, Тарарах, но я женщина темная и не постигаю творческого полета твоей мысли. Не мог бы ты выражаться яснее?

---

[1] *Плутарх*. Избранные жизнеописания. М., 1990. — С. 439.

— Коты и клизмы. Катаклизмы. Я предчувствую их близость, — уточнил питекантроп.

— Пещерный юмор!

Одна из прядей медных волос доцента Горгоновой подозрительно шевельнулась. Заметив это, Великая Зуби успокаивающе коснулась ее локтя.

— Меди... не надо... ты устала и взвинчена, — шепнула она.

Медузия на миг прикрыла глаза, показывая, что прекрасно это понимает и держит себя в руках.

— И по каким же признакам, позволь тебя спросить, ты делаешь такие выводы? — спросила она у Тарараха.

— Сны, — терпеливо пояснил питекантроп. — Несколько дней подряд мне снится, что у меня выпадают зубы. А зубы у меня отличные, хотя и не самые белые. В первый раз такое было незадолго до великого переселения народов, во второй — перед чумой в начале четырнадцатого века, в третий — незадолго до Первой мировой войны.

Академик Сарданапал положил Тарараху руку на плечо.

— Надеюсь, что все еще обойдется. Мы должны успокоиться и быть едины. Недаром древние говорили: «Ранит не битва, ранит бегство». А пока я попросил бы воздержаться от прогнозов, — успокаивающе заметил он.

Питекантроп взъерошил волосы огромной пятерней.

— Да что я такого сказал-то? Ну обойдется и обойдется! Я буду только рад! — обиженно прогудел он.

Недалеко от стены, хлопая крыльями, пролетели две гарпии. Одна из них походя обругала Великую Зуби нехорошим словом и мгновение спустя с мерзким карканьем свалилась в ров. Зуби подула на кольцо.

— Так кто из нас взвинчен? — шепнула ей Медузия.

Великая Зуби поправила свою прямую, как у пони, челку и вздохнула.

— Есть вещи, которые лучше не спускать. Сминдальничаешь в малом — аукнется в большом, — заметила она.

Тарарах, Сарданапал, Поклеп Поклепыч, Медузия и Зуби стояли на участке стены, к которому примыкала Башня Призраков, и ждали. Ждали уже почти час, вглядываясь ввысь, где каждую минуту могли сверкнуть семь радуг *Грааль Гардарики*.

По балкончику Башни Призраков меланхолично плавала Недолеченная Дама и надиктовывала Поручику Ржевскому список болячек на завтра. Список перевалил уже на вторую страницу и был расписан фактически по минутам. Недолеченная Дама умела ценить свое время.

Поручик старательно записывал, сопровождая каждую новую строчку кавалерийским хохотком. Недолеченной Даме это совсем не нравилось.

— Гад ты ползучий! — сказала она с досадой. — И за то, что ты такой гад, пиши: «18:00. Укоризненно умереть на руках у страдающего мужа». Подчеркнуть один раз!

«Ползучий гад» радостно записал. Он надеялся, что на этом диктовка закончится. Но не тут-то было.

— Готово? Поехали дальше! «19:05. Укоризненно ожить на руках у безутешного мужа. «Безутешного» подчеркнуть два раза! — продолжала диктовку Дама.

Одуревший от писанины Ржевский, бунтуя, отбросил перо:

— Надоело! Не буду писать!

Дама сдвинула брови:

— А я тебе говорю: пиши!

— Ты меня не заставишь! — выкрикнул Поручик.

В голосе его супруги появились грозовые нотки:

— Это что еще за фокусы? ПИШИ! Ну же!

Ржевский не выдержал.

— А-а-а! Я тебя задушу! Недоувеченная дамочка! — задиристо крикнул он, хватая жену за шею.

Недолеченная Дама нетерпеливо поморщилась:

— Не забегайте вперед, Вольдемар! Надо уважать расписание! Удушение намечено на послезавтра на час дня!

Это было уж слишком. Ржевский страшно закричал, схватился за голову и сгинул.

Теплый летний вечер мало-помалу угасал. Тени становились длиннее и выцветали, сливаясь с травой. С драконбольного поля доносились возбужденные крики. Розовые языки пламени прочерчивали воздух. С той стороны защитного купола мелькали длинные зеленовато-серые тела сыновей Гоярына.

На поле тренировалась новая команда, набранная Соловьем из способных учеников младших курсов. Маша Феклищева — да-да, та самая Маша, которая казалась некогда такой маленькой и смешной на чучеле крокодила! — была в ней признанным лидером. Да, летит время!

Поклеп Поклепыч поднял воротник куцего пиджачка, что усилило его сходство с нахохлившимся грачом. Теперь пришло его время вспылить.

— Он, видите ли, задерживается! Для государственного чиновника это непростительное хамство! Мне не восемнадцать лет, и я не мальчишка, скачущий зайчиком от первого вагона кольцевой к первому вагону радиальной, так как точно не помнит, где назначил свидание! Мы имеем полное право вообще заблокировать *Гардарику*, чтобы он расшиб себе голову, — заявил он.

— Поклеп... а ты, однако, романтик! Какое забавное лопухоидное сравнение! Неужто и ты назначал свидание в метро? Разве русалки там плавают? — улыбнулась Медузия.

Поклеп побагровел и гневно уставился на доцента Горгонову.

— Что за выводы? Откуда ты их взяла? С потолка? Не помню, чтобы я говорил что-то про себя! — прорычал он.

— Не надо, Меди! Поклеп Поклепыч прав. Я тоже не вижу в поведении этого типа никакой логики, — примирительно поддержала Поклепа Зуби.

Сарданапал замотал головой, не соглашаясь с ней. Его бунтующие усы, не так давно сглажен-

ные кем-то из юных учеников черного отделения (сам академик пока этого не замечал), коварно оплели дужки очков.

— Логика есть. Еще какая. Своим демонстративным опозданием он указывает нам наше место, — спокойно отметил он.

— Если так, то это чересчур! Что помешает нам повернуться и уйти? И пусть ищет нас, где хочет, шатаясь по Башне Привидений и встречая лишь олухов типа Ржевского! — вспылила доцент Горгонова.

Академик укоризненно посмотрел на нее:

— Напротив, Меди, уходить мы не должны. Этого он и добивается. Ему необходимо придраться хоть к чему-то. Именно за этим его сюда и прислали. Я уже мысленно приготовился к тому, что он будет искать повод для конфликта. И как бы нам ни хотелось превратить его в лягушку — нам придется ему улыбаться...

— Но зачем? Почему мы должны терпеть этого червя? Зачем он вообще сюда тащится? — наивно спросил Тарарах.

Питекантроп был устроен с восхитительной простотой. Голоден — ешь, весело — радуйся, обидели — дерись, любишь — целуй.

— Буян, — коротко отвечал Сарданапал. — Кое-кого на Лысой Горе посетила мысль, что школу на острове можно закрыть и устроить здесь санаторий для престарелых магов, которым-де нужен хороший климат. Но это все уловки для простофиль. Сдается мне, милейший Бессмертник Кощеев на-

думал под шумок загнать островок японским магам... Буян — лакомый кусочек для многих. В мире нет ни одной школы, которая была бы так удачно расположена. Обычные школы ютятся на замкнутой территории по соседству с лопухоидами, маскируются под пустырь или болото и даже дракона лишний раз боятся из ангара выпустить.

Тарарах протиснул в уши свои толстые мизинцы и энергично прочистил их, точно сомневаясь, действительно ли он слышит всю эту чушь или всему виной грязь.

— Закрыть школу? А как же студенты? О них что, забыли? — спросил он с недоумением.

Сарданапал подошел к краю стены и, держась рукой за зубец, глянул вниз на цветущий ров:

— Нет, не забыли. Бессмертник никогда ни о чем не забывает. Взамен острова Буяна школе предлагают замечательный участок земли в Заполярье. Чрезвычайно живописное место! Вечная мерзлота. Полгода ночь, полгода день. Возможность круглогодично разводить северных оленей, много мха, ягеля и бонус в виде северного сияния.

— А драконы? А жар-птицы? Они не выносят холода. Единороги же вообще не выдержат переселения. Они очень привязаны к месту своего рождения. Как же это, академик? О чем они там все думают? — растерянно спросил Тарарах.

Сарданапал по-прежнему упорно разглядывал ров:

— Примерно те же доводы привел и я. Но мне было открытым текстом сказано, что не стоит

гробить отличную идею мелочными придирками. Жар-птицы — ерунда. Их с удовольствием возьмет любая школа, тот же Магфорд, к примеру. Драконов можно продать, а кого не купят — усыпить, поскольку они будут своим ревом нарушать покой милейших пожилых магов.

Питекантроп распрямился, сжимая кулаки. Его честное лицо побагровело. Встреться с ним в этот миг пещерный лев, он и то задумался бы: а так уж ли он голоден? Стоит ли связываться?

— Так, значит, этот тип, этот мерзавец, этот шут гороховый приезжает, чтобы закрыть Тибидохс и усыпить моих драконов? Я его самого усыплю вот этими самыми руками! — прорычал Тарарах.

— Успокойся, Тарарах! Такими полномочиями он не обладает. Он приезжает, чтобы составить отчет, который будет зачитан комиссии на Лысой Горе. Пока было лишь предварительное заседание в сокращенном составе. Увы, Кощеев подстроил все так, что оно завершилось не в нашу пользу. Мне удалось оспорить его результаты и настоять на экстренном созыве расширенной комиссии. У нас тоже есть кое-какие союзники из белых магов. Да и не всем черным нравится, что все стратегические решения принимаются исключительно Кощеевым и его кликой. В общем, шанс есть. Но многое зависит от отчета. Насколько уничтожающим он будет. Поэтому мы должны вести себя крайне корректно, — заключил Сарданапал.

Едва ли питекантроп его слышал. Речь академика была для него слишком длинной и загромо-

жденной непонятными ускользающими словами. Комиссия... заседание... Разве это главное?

— Мои драконы... мои жар-птицы... единороги... алконосты... сфинксы... Сарданапал! Как же это? Мы знаем, что на нас с дерева свалится клоп-вонючка, и не можем его придавить, потому что вони будет втрое больше? — с удивлением сказал Тарарах.

Новая волна гнева захлестнула несложную душу преподавателя ветеринарной магии. Отняв от лица ладони, он посмотрел на академика с укором. Так смотрит собака, которую хозяин незаслуженно ударил.

— Как я смогу нянчиться с этой приезжей дрянью, если каждую секунду буду помнить о моих драконах? — спросил он с болью.

— Не надо, Тарарах! Нянчиться тебе не придется. Он прозорлив, а ты слишком наивен, чтобы здесь была возможна какая-то моральная комбинация. Просто будь сам собой. И проконтролируй джиннов, чтобы они навели порядок в ангарах. Ревизор туда наверняка заглянет, равно как и во все остальные места.

— Ревизор? — повторила Великая Зуби голосом, который насторожил бы любого из ее студентов, но не насторожил академика. Он никогда не прислушивался к Зуби в подобных ситуациях.

— Да. И чудовищно придирчивый. Слышали об институте общего и сравнительного чародейства в Екатеринбурге? Одна из первых его ревизий. Директор института покончил с собой, запив тол-